Беркутов А. А.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В ГОДЫ НЭПА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-23. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

История педагогики с XVIII в. до сер. XX в. / Под ред. А. И. Пискунова. - М., 1998. - Ч. 2. - С. 282.
Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. - М.: Учпедгиз., 1948. - С. 10.
Крупская Н. К. Парижский конгресс Педагогического интернационала // На путях к новой школе. - М., 1923. - № 1 (4). - С. 171-174.
Киселёв Г. Неопубликованные в Советской печати материалы // Советская педагогика. - М., 1967. - № 2. - С. 90-92.
Народное образование в СССР: Сборник документов. 1917-1973 гг. - М., 1974. - С. 139.
На путях к новой школе. - 1927. - № 10. - С. 112 / Перепечат. из «Socialistischer Erzieher», 1925.
Рожков А. Ю. Молодой человек в Советской России 1920-х гг: Дис. ... д-ра ист. наук. - Краснодар, 2003. - С. 51.
Maurice Wullens. Paris – Moscou - Tivlis. - Paris, 1927. - С. 227.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ В ГОДЫ НЭПА

Беркутов А. А.
Пензенский государственный университет

В условиях новой экономической политики одной из важнейших задач Советского государства являлось восстановление производительных сил сельского хозяйства, подорванных мировой и гражданской войнами. Прежде всего, это касалось двух основных производящих регионов России: Центрально-Черноземной области (ЦЧО), включавшей 7 губерний, и засушливых районов Поволжья и Северного Кавказа (Юго-Восток). На территории этих регионов находилась почти треть всех крестьянских хозяйств Российской Федерации (4,6 млн. из 15,4 млн. в 1923 г.) [1], и их поразил наиболее глубокий кризис в силу разрушения хозяйства в годы гражданской войны, измельчания производства и падения его товарности в ходе аграрной революции и воздействия политики военного коммунизма. Кризис сельского хозяйства этих наиболее значимых для страны производящих регионов усугублялся действием неблагоприятных природно-климатических факторов, прежде всего засухи. Юго – Восток России с 1883 по 1921 год пережил восемь неурожаев, а недороды случались каждые 2-3 года. Засуха 1921 года, охватившая прежде всего ЦЧО и Юго-Восток и поразившая 34% посевов, привела к неурожаю и способствовала началу масштабного голода. Сельскохозяйственное производство в 1921-1922 г г. упало до предельно низкого уровня. Резко сократились посевные площади. В Среднем Поволжье, например, они составили в 1922 г. лишь 57% от уровня 1916 г. [2].

Уже в начале НЭПа задача восстановления сельского хозяйства Черноземного центра, Поволжья и Северного Кавказа приобретает общегосударственный характер. В 1921 г. Госплан РСФСР осуществляет разработку проблем восстановления засушливого Юго-Востока, а в конце 1922 г. на основе этих материалов составляется перспективный план восстановления сельского хозяйства регионов, пострадавших от голода 1921 года. План был утвержден Советом труда и обороны и на его основе осуществлялись восстановительные мероприятия Наркомата земледелия РСФСР. По мере их реализации все более настоятельным становился переход к специальным программам, которые бы учитывали особую значимость для страны Черноземного Центра и Юго-Востока, как основных производящих районов, глубину сельскохозяйственного кризиса, масштабы социальных последствий голода 1921 года, природно-климатические особенности. Последние требовали создания особых систем земледелия, как основы устойчивости сельскохозяйственного производства в будущем.

Решающую роль в принятии руководством страны решения о разработке и осуществлении комплексных программ восстановления и развития сельского хозяйства сыграли недород 1924 г. и опыт деятельности Комиссии по борьбе с последствиями неурожая (июль 1924 – июль 1925 г г.), которую возглавлял А. И. Рыков. В результате изучения в ходе десятидневной поездки в пораженные засухой губернии Поволжья (август-сентябрь 1924 г.) реального положения дел председатель СНК СССР и РСФСР сделал вывод о необходимости корректировки сельскохозяйственной политики и сформулировал задачу принятия «мер по борьбе не с последствиями неурожая, а с возможностью неурожая» и составлении трехлетнего плана для типично-засушливых районов с образованием специального фонда [3]. В июле 1925 г. ЦИК и СНК СССР принимают постановление о создании фонда в «целях планомерной и систематической борьбы с засухой и создания устойчивого крестьянского хозяйства в засушливых областях Союза ССР». Размер фонда устанавливался в 77 млн. руб. (отсюда название программы – «77-миллионный фонд»), начиная с 1925/26 бюджетного года. Из 77 млн. руб. 59 млн. выделялось Российской Федерации, остальные – Украине. Правительством РСФСР был утвержден трехлетний сводный план Наркомата земледелия РСФСР по реорганизации крестьянских хозяйств Юго – Востока. План предусматривал нарастающее по годам бюджетное финансирование программы: 20 млн. руб. в 1925/26 г., 26 млн. в 1926/27 г. и 31 млн. в 1927/28 г. [4]. Для восстановления и реконструкции сельского хозяйства Центрально-Черноземной области, в свою очередь, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в сентябре 1925 г. было решено выделять, начиная с 1925/26 г., специальные средства. Для 1925/26 г. размер финансирования программы восстановления ЦЧО из госбюджета определялся в 25 млн.

руб. Бюджетное финансирование программ осуществлялось через систему сельскохозяйственного кредита с оставлением средств системе в виде специальных фондов для последующего кредитования крестьянских хозяйств. В финансировании программ предусматривалось участие местных бюджетов и системы сельскохозяйственного кредита из собственных ресурсов. С точки зрения общей социально-экономической политики партийно-государственное руководство рассматривало программы по подъему ЦЧО и борьбе с засухой как средство планового воздействия государства на крестьянское хозяйство.

В основу программ восстановления и реорганизации крестьянских хозяйств ЦЧО и засушливой области был положен метод «группового и гнездового воздействия», одобренный правительством РСФСР. Брались не отдельные хозяйства, а целые селения, их части и кооперативные объединения, расположенные компактными гнездами. Между государством, в лице земельных органов, и группами хозяйств заключался договор, по которому при условии повышенного кредитования крестьяне осуществляли комплексный план реорганизации проведением мелиорации, землеустройства с созданием «комплексных поселков» в ЦЧО, внедрением засухоустойчивых систем земледелия, применением сложных сельскохозяйственных машин и т.д. В целом государство и система сельскохозяйственного кредита выполняли свои обязательства по финансированию программ. До 1928 г. включительно ЦЧО получила 52 млн. 560 тыс. руб. бюджетных средств, а засушливые районы Российской Федерации - 45,2 млн. руб. из «77-млн. фонда» при общем кредитов на борьбу с засухой в 184 млн. руб. Доля централизованных бюджетных средств в финансировании программ достигла 34 % в 1927 г. Остальные средства дали местные бюджеты и система сельскохозяйственного кредита [5]. При этом кредитование из фондов программ носило исключительно производственный характер. За три года по программе восстановления ЦЧО 47,4 % средств пошли на снабжение крестьянских хозяйств основными средствами производства, 51,1 % - на землеустройство и агрикультурные мероприятия, 1,5 % - на создание предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции [6].

Уровень кредитования крестьянских хозяйств ЦЧО был почти в два раза выше среднего по РСФСР. Если в 1925/26 – 1926/27 гг. в среднем по РСФСР на одно крестьянское хозяйство приходилось 13,9 руб., то в ЦЧО –24,6 руб. В комплексных же поселках размер кредитования был на порядок выше. Например, в Воронежской и Курской губерниях он составлял от 270 до 300 руб. на хозяйство. Еще выше уровень кредитования был в реорганизуемых хозяйствах засушливой области-то 500 до 1300 руб. на крестьянский двор [7]. На основе повышенного кредитования в крестьянских хозяйствах ЦЧО и Юго-Востока происходит более быстрый по сравнению с общей массой крестьянства РСФСР рост посевных площадей, товарности хозяйств и их экономической мощности. В Черноземном Центре прирост посевных площадей уже в первый год осуществления программы составил 8 % против 6 % в среднем по Федерации. В комплексных же поселках этот рост был еще более значительным, например, в Воронежской губернии в хозяйствах, использовавших восстановительные кредиты, он составил 22 % против 8,5 % в целом по губернии[8]. Существенным было производственное укрепление хозяйств. В Саратовской и Астраханской губерниях увеличение рабочего скота соответственно произошло в 41 % и 71 % хозяйств, получивших кредиты из фонда борьбы с засухой. Резко сократилось в реорганизуемых гнездах количество хозяйств без рабочего скота: на Северном Кавказе с 24,5 % до 9,3 % , в Сталинградской губернии с 23,7 % до 0,7 % (с 1925 г. до конца 1927 г.) [9].

В 1928-1929 гг. в условиях начавшегося радикального изменения аграрно-политического курса правящей партии деятельность системы по кредитованию комплексных программ начинает испытывать давление политико-идеологического фактора. На всех уровнях партийно-государственного руководства страны формируется критическое и, в конечном счете, негативное отношение к результатам осуществления комплексных программ с точки зрения их несоответствия социально-классовым принципам аграрной политики и ее конечной цели – «социалистического переустройства» сельского хозяйства. Уже в 1927 г. пленум Воронежского губкома ВКП (б), несмотря на несомненную экономическую эффективность фонда восстановления ЦЧО, выразил опасение, что «через восстановительные кредиты вырастим кулацкий элемент». На XY съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. один из руководителей Сталинградской губернии отметил, что на программу борьбы с засухой идут большие кредиты, однако «увязки задачи создания засухоустойчивого хозяйства с общей задачей создания крупного общественного хозяйства нет» [10]. В ноябре 1928 г. на сессии ВЦИК Коллегия НК РКИ СССР подвергла критике основу программы восстановления ЦЧО-идею «комплексных поселков», и предложила сократить объем кредитования отдельных индивидуальных крестьянских хозяйств. Значимость выводов органов ЦКК-РКИ определялась тем, что при отсутствии до декабря 1929 г. союзного наркомата земледелия они вместе с Отделом ЦК ВКП(б) по работе в деревне не только предоставляли Политбюро ЦК и Правительству аналитические материалы о социально-экономическом развитии деревни, но и фактически являлись координаторами деятельности более чем двух десятков ведомств, практически осуществлявших аграрную политику правящей партии. Подобного же рода критический подход проявился в оценках Секретариатом ЦК ВКП(б) работы местных партийных организаций в регионах осуществления комплексных программ. В постановлениях Секретариата ЦК содержался полный набор формулировок, который использовался в дальнейшем как шаблон для оценки результатов работ по «77-миллионному фонду»: «слабое внимание кооперированию реорганизуемых хозяйств», «слабый контроль за классовым направлением кредитов», «значительный рост предпринимательской верхушки» [11]. Действие программ было продлено, и в июне 1929 г. даже принимается закон о создании общесоюзного фонда с предполагаемым расширением работ по созданию засухоустойчивых хозяйств. Однако объем кредитования сокращается, а с осени 1929 г. финансирование программ было остановлено начавшейся сплошной коллективизацией. Оценка же

методов и результатов их осуществления становится однозначно негативной. По мнению ЦКК-РКИ СССР, проводивших осенью 1929 г. обследование работы НКЗ РСФСР, кредиты из фондов ЦЧО и борьбы с засухой тратились на небольшую группу хозяйств, что вело к росту кулачества, они не обеспечили «ни быстрого роста сельскохозяйственного производства, ни коллективизации деревни», а в целом в осуществлении региональных программ «политика земельных органов шла вразрез с задачами социалистического переустройства сельского хозяйства» [12].

В истории программ восстановления и развития основных производящих регионов России достаточно четко прослеживаются два периода. На первом этапе, с 1925 по конец 1927 г., осуществление программ шло на основе принципов НЭПа. Доминирование в качестве цели аграрной политики идеи преимущественного развития производительных сил сельского хозяйства и сочетание методов прямого государственного регулирования с рыночными механизмами в аграрной сфере обеспечивали достаточно заметный хозяйственный рост и позволяли государству переводить развитие реорганизуемых крестьянских индивидуальных хозяйств в кооперативные формы. В 1928-1929 гг. идет разрушение рыночных структур, на передний план в аграрной политике выдвигается «классовый подход», нарастает негативное отношение партийных органов к методам и целям региональных программ, что замедляет их осуществление и снижает экономическую эффективность. Резкое изменение аграрно-политического курса с началом форсированной коллективизации осенью 1929 г. окончательно остановило реализацию программ восстановления и развития Черноземного Центра и Юго-Востока России.

Список литературы

1. **Данилов В. П.** Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977. – С. 213-214.
2. **Совещание земельных работников засушливой и Центрально-Черноземной областей**. – М., 1928. - С. 19.
3. **Третий съезд Советов СССР**: Стенографический отчет. - М., 1925. - С. 59.
4. **Борьба с засухой** // Сборник руководящих материалов Наркомзема по реорганизации крестьянских хозяйств в засушливых районах. - М., 1926. - С. 99-101.
5. **III сессия ВЦИК XII созыва**: Стенографический отчет. - 1928. - Бюллетень № 1. - С. 10-11.
6. Там же.
7. **Материалы к докладу НК РКИ Союза ССР СНК СССР о результатах проверки НК РКИ СССР деятельности земельных и других советских органов в области повышения урожайности**. - М., 1928. - С. 16, 17, 18, 20.
8. **РГАСПИ**. Ф. 17. Оп. 21. Д. 687. Л. 17.
9. **Совещание земельных работников засушливой и Центрально-Черноземной областей**. – М., 1928. - С. 34; **III сессия ВЦИК XII созыва**. - Бюллетень № 1. - С. 13.
10. **РГАСПИ**. Ф. 17. Оп. 21. Д. 687. Л. 17; **XY съезд ВКП(б)**: Стенографический отчет. - М.-Л., 1928. - С. 1203-1204.
11. **РГАСПИ**. Ф. 17. Оп. 67. Д. 349. Лл. 113, 126.
12. **Борьба за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства**: Отчет сельскохозяйственной группы НК РКИ СССР к XYI съезду ВКП(б). – М.-Л., 1930. - С. 4-5.

В ПЛЕНУ ИЛЛЮЗИЙ (СЕКТЫ И КУЛЬТЫ 21 ВЕКА)

Билан О. А.
Петербургский государственный университет путей сообщения

Все чаще сегодня поднимается вопрос о духовном развитии современного человека, который, вступая в мир, действует на свой страх и риск, учится на ошибках, используя любое знание — от средневековой мистики до современных конкретных научных идей, полагая, что всякое суждение может быть опровергнуто ещё неизвестными фактами. Такая позиция ведёт к потере ценностей целостного системного мировоззрения, к дезориентации в деятельности, порождает пессимизм во взгляде на собственную судьбу и будущее человечества. И вот в двадцать первом веке люди, которые могли бы считать себя реалистами в наибольшей степени (политики, бизнесмены, ученые) обращаются к услугам духовных учителей, стараются использовать «духовные силы», пытаются научно исследовать некие «духовные энергии». Наступает время увлечения духовностью без разбора ее содержания. Сегодня часто рассуждают, что если бездуховность - это плохо, следовательно, любая вера - это хорошо. Но эти нехитрые рассуждения далеки от той глубины, которая была характерна для людей, действительно верующих.

Религиозное «возрождение» сегодня имеет две тенденции. С одной стороны, это распространение новых форм религии и культов восточной ориентации, возникновение сект. Новые культы считают себя выразителями современности. Некоторые традиционные мировые религии также стараются отбросить то, что кажется устаревшим в их вероучении и культе и стать доступнее сознанию современного человека. С другой стороны, назревает недовольство бездуховностью современного мира и заметен возврат к вековым религиозным традициям.

Сегодня человеку предлагается широкий выбор различных духовных учений и практик. Но чтобы сориентироваться в этом видимом многообразии духовных и псевдодуховных течений необходимо знать критерии, по которым можно отличать истинную духовность от ложной.